

СИНКВЕТ
ЛЮИС

Льюис Синклер
Котенок и звезды

HarryFan

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138014

Авт. сб. «Кингсблад, потомок королей. Рассказы».: Правда; Москва;

1989

Синклер Льюис

КОТЕНОК И ЗВЕЗДЫ

Жертвы на сегодняшний день исчисляются в три тысячи двести девяносто человек, и с каждой новой телеграммой из Сан-Колоквина цифра эта растет, но пока еще не установлено, кто же был всему первопричиной: кондуктор ли трамвайного вагона № 22, или миссис Симми Долсон с ее толстокожим эгоизмом, или же Уиллис Стоудпорт, который погладил рыжего котенка с мутными молочными глазами.

Поступок Уиллиса Стоудпорта был лицемерным. Уиллис целый день гонял в салочки, вследствие чего был голоден и стремился заслужить милость своей мамы, демонстрируя хорошее отношение к нашему бессловесному другу. В действительности он вовсе не жаждал хорошо относиться к бессловесному другу. Жаждал он коржиков. Отношение же его к котенку, которого звали Адольфус Джозефус Черномордик, было настолько неуважительным, что он потом уволок его в кухню и там попробовал опытным путем установить, можно ли утопить его в раковине, если посильнее отвернуть кран.

Но таково уж удивительно тонкое равновесие вещей в природе, где легчайший вздох спящего земного младенца оказывает воздействие на вращение солнц на расстоянии в

десять миллионов световых лет, что ласка, выпавшая Адольфусу Джозефу Черномордику, положила начало целой цепи бедственных событий, которые теперь до бесконечности, будут сказываться на судьбах одной далекой звезды за другой. Смерть Наполеона на Святой Елене побудила двух-трех стариков почесать затылки и погрузиться в воспоминания. Падение Карфагена дало дешевый кирпич строителям нищих лачуг. Лицемерный же поступок Уиллиса Стоудпорта изменил ход истории.

Миссис Симми Долсон как раз была с визитом у матери помянутой космически зловещей фигуры по имени Уиллис Стоудпорт, впрочем, вполне обыкновенного белобрысого мальчишки, проживающего на Среднем Западе в городе Верноне по Скримминс-стрит. Почтенные матроны обсудили цены на масло, грехи новенькой кудрявой учительницы из семнадцатой школы и эти дурацкие новомодные идеи насчет воспитания. Миссис Долсон прислушивалась к проходящим трамваям, потому что Окдейлский трамвай ходит с перерывом в восемнадцать минут и если она пропустит следующий, то не успеет дома приготовить ужин. Но как раз в эту минуту, когда она, услышав трамвай, схватилась за шляпку, в комнату бочком вошел юный Уиллис, наклонился и погладил дремлющего Адольфуса Джозефуса Черномордика.

Вонзая в голову шляпную булавку, миссис Долсон умильно простонала:

– Боже, что за милый ребенок! Ну разве не прелесть?!

Мамаша Уиллиса сразу забыла, что собиралась поговорить с ним о пропаже медной шишечки с крышки мучного ларя. Она просияла и грудным голосом спросила своего отпрыска:

– Ты любишь киску, детка?

– Да, я люблю нашу киску; можно мне взять коржик? – поспешно ввернул юный Макиавелли, и Альдебаран, алая звезда, затрепетал в предчувствии беды.

– Ну разве не прелесть? – повторила миссис Долсон, потом спохватилась, что трамвай не ждет, и вприпрыжку умчалась.

Однако созерцание добродетели так задержало ее, что когда она достигла угла, Окдейлский трамвай уже тронулся и как раз проезжал мимо. Он был битком набит усталыми конторщиками, жаждущими вырваться на волю в Вернонские пригороды, но миссис Симми Долсон принадлежала к тому типу толстых, румяных эгоистов, которые весь город заставят томиться в ожидании, если им нужно купить конопля для любимой канарейки. Она отчаянно замахала руками и притворилась, будто бежит во весь дух.

Кондуктор вагона № 22 был добрый человек, отец семейства, он дал звонок и остановил трамвай за полквартала от угла. Пренебрегая сердитым рычанием семидесяти пассажиров, он продержал там вагон, пока пыхтящая миссис Долсон не поднялась на подножку, и тем самым отстал от графика на две минуты. Этого было вполне достаточно, чтобы они не

поспели к стрелке у Севен-Корнерс и должны были пропустить три других трамвая.

Теперь вагон № 22 опаздывал уже на три и три четверти минуты.

Следующей ступенью в трагедии был мистер Эндрю Дискополос, известный владелец парикмахерской «Денди». Мистер Дискополос дожидался этого же Окдейлского трамвая. Он обещал жене быть к ужину дома, но в глубине своей вакхической души мечтал сбежать в заведение Барни и провести вечерок за покером. Он прождал одну минуту, сохраняя высокие моральные принципы и твердое намерение воздерживаться от азартных игр. Он прождал вторую минуту и начал сознавать, какой он, в сущности, мученик и страдалец. Окдейлский трамвай не придет никогда. Пешком, что ли, домой тащиться? Ей-богу, жена слишком уж многого от него хочет! Он прождал третью минуту, и перед ним в розовых и золотистых тонах предстала картина покера у Барни.

За семь секунд до того, как опаздывающий Окдейлский трамвай выехал из-за угла, мистер Дискополос сдался и с виду степенно, а в душе ликуя, устремился по переулку в заведение Барни. По пути он заглянул в «Южное Кафе» и перехватил там сэндвич и чашечку кофе. Потом в табачной лавке он кинул кости и выиграл три сигары – лишнее доказательство того, как он был прав, что не пошел домой. К Барни он явился в половине восьмого, а ушел от Барни в половине второго утра и, уходя, выказал резко пониженное чувство

направления и резко повышенную возбудимость, чему причиной была кварта водки, которую он купил, чтобы отпраздновать выигрыш в четыре доллара.

Под мутным невеселым оком осенней луны плелся домой мистер Дискополос. Уиллис Стоудпорт, и миссис Симми Долсон, и кондуктор трамвайного вагона № 22 давно уже спали. Даже негодный Адольфус Джозефус Черномордик, насладившись доброй дракой на помойке у Смитов, почил невинным сном в мягких складках подовой тряпки на заднем крыльце, где всего меньше была опасность, что его побеспокоят мыши. Один только мистер Дискополос не спал, он нес дальше горящий факел бедствий; и на одной из планет, обращающихся вокруг отдаленного солнца под названием Процион, произошли потопаы и землетрясения.

Когда наутро мистер Дискополос очнулся от сна, в глазах у него были резь и туман. Перед тем, как отправиться в свою парикмахерскую, он налил себе на три пальца «утешительной», которая привела его в столь прекрасное расположение духа, что он долго стоял на углу, покачиваясь и улыбаясь во весь рот. Обычно он очень гордился своим мастерством, но сейчас все соображения высокого искусства отступили перед неодолимой жаждой приключений. Взглядом знатока он отметил удивительную стрижку какого-то детины, болтавшегося без дела у дверей аптеки: на висках и на затылке волосы у него были сняты вовсе и только на макушке стояли высоким гребешком. «Обкорнать бы кого-нибудь таким манером

– то-то смеху будет!» – весело подумал мистер Дискополос.

Последний год в рот не брал спиртного до обеда и даже поползновения такого не испытывал. А насмешница-судьба уже послала ему навстречу следующую жертву – мистера Палмера Мак-Ги, в руки которого и перешел горящий факел бедствий.

Палмер Мак-Ги был один из самых многообещающих молодых людей в Верноне. Он жил в номере Университетского клуба, имел два вечерних костюма и работал помощником управляющего Малой Среднезападной железной дороги. Он окончил технический колледж, говорил по-испански и тонко разбирался в делах, и его манеры за столом были столь же безупречны, как и его сведения о товаро-пассажирских перевозках.

Тот день был днем его торжества. После продолжительной переписки он только что получил телеграмму из Нью-Йорка, куда его приглашали для переговоров с президентом и директорами компании «Южное Цитрусовое пароходство», – речь шла о месте управляющего Буэнос-Айресским отделением. Он за десять минут сложил чемодан. До отхода поезда оставалось еще около часа, а езды до вокзала было от силы двадцать минут. Он не стал брать такси, а бодро двинулся пешком на Селден-стрит, где была остановка трамвая.

Чуть не доходя до угла, он заметил вывеску мистера Дискополоса и вспомнил, что ему не мешало бы постричься. В Нью-Йорке он вряд ли успеет зайти в парикмахерскую до

встречи с директорами пароходства. Салон мистера Дискосполоса был залит ярким светом, и сам он за витриной в своем белоснежном халате казался таким чистеньким и симпатичным.

Палмер Мак-Ги нырнул в дверь, пропел: «Подровнять, слегка!» – и, зачарованный воздушными прикосновениями длинных пальцев мистера Дискосполоса, смежил веки и погрузился в мечты о будущем.

Но примерно в середине работы утренняя «утешительная» дала себя знать: она подтолкнула мистера Дискосполоса под руку и затуманила его взор, и в результате он простриг поперек прилизанного затылка мистера Мак-Ги непорочно глубокую борозду. Мистер Дискосполос вздохнул и бросил взгляд на свою жертву: замечена ли его оплошность? Но Мак-Ги сидел с закрытыми глазами и разинутым ртом, в мечтах своих властелин океанских пароходных линий, бог цейлонских плантаторов и обитателей безмолвных северных лесов.

Тут мистер Дискосполос вспомнил давешнего зеваку с мудреной стрижкой и решил воспроизвести эту модель. Он удачно скрыл свой промах, безжалостно оголив Палмеру Мак-Ги весь затылок. И теперь эта некогда безукоризненная шея торчала голая и нелепая, как у страуса.

Но, будучи артистом своего дела, мистер Дискосполос должен был сохранить симметрию – выдержать ритм, – и соответственно он обкорнал Мак-Ги спереди, выстриг ему виски

и обнажил его корректные университетские уши.

Когда эксперимент был завершен, мистер Мак-Ги имел вид облысевшего юнца с маленьким паричком на макушке. Или вороньего гнезда на шесте. Или жертвы высококвалифицированного сдирателя скальпов. Таким по крайней мере увидел он себя в большом зеркале, когда открыл глаза.

Он воззвал к нескольким божествам: он объявил, что жаждет разорвать мистера Дискополоса на части. Но для этого милосердного дела у него уже не оставалось времени. Ему нужно было спешить на поезд. Он сунул свою изуродованную голову в такси. И всю дорогу чувствовал, что шофер посмеивается над его дурацкой стрижкой.

А обруганный, оставшийся без чаевых мистер Дискополос пробурчал ему вслед: «Ну, я снял немного чересчур, экая беда! Через две недели он снова будет в лучшем виде. Каких-то две недели, подумаешь! Выпью-ка я, что ли».

На этом мистер Дискополос вслед за Уиллисом Стоудпортом, Адольфусом Джозефусом, миссис Долсон и мягкосердечным кондуктором трамвайного вагона № 22 сошел со сцены во тьму неизвестности, – как и они, не подозревая о своей роли в развитии трагедии, – а тем временем Палмер Мак-Ги ехал в пульмановском вагоне и жестоко страдал.

Ему чудилось, что все – от проводника вагона до лоснящейся шелками девицы через проход – потешались над его небывалой прической. В представлении мистера Мак-Ги необычный воротничок, пробор в волосах или оборот речи

были хуже убийства. Он всю жизнь старательно натаскивал себя на стандарт во всем. Так, например, существовали только три марки виски, которыми мог упиться порядочный человек. В управлении Малой Среднезападной железной дороги не было более основательного молодого сотрудника, чем мистер Мак-Ги. А до этого он был с кем нужно так корректно любезен, курил, как и следовало, такую внушительную трубку и с таким восхищением рассуждал о спорте, что сумел у себя в Йельском университете попасть в члены избранных студенческих обществ и на третьем и на четвертом курсах. В жизни он не сталкивался ни с чем таким, что научило бы его стойко переносить позор нестандартной прически.

Поезд неумолимо влек его к Нью-Йорку, и время от времени мистер Мак-Ги набирался храбрости и начинал верить, что его голова острижена не так уж безобразно. С видом непринужденного достоинства он направлялся в курительное отделение и, удостоверившись, что он один, сразу же подскакивал к зеркалу. Но всякий раз он с ужасом убеждался, что выглядит еще нелепее, чем ему представлялось.

Ни днем – делая попытки читать, или любоваться пейзажем, или же стараясь произвести впечатление на пассажиров в курительном отделении, ни ночью – раскачиваясь в своем узком гамаке, он не мог думать ни о чем другом. Он прочитал только один абзац из объемистой книги, какие возят с собой все пассажиры пульмановских вагонов в надежде, что от нечего делать поневоле должны будут дочитать ее до конца.

Мнительность его росла. Всякий раз, как слышался чей-нибудь смех, он был уверен, что смеются над ним, а смущенный вид, с каким он спешил отводить глаза, встречая рассеянные взгляды соседей, только привлекал к нему эти взгляды.

Великолепная самоуверенность, которая всегда скрывала от мистера Мак-Ги его собственные маленькие слабости и помогала ему возвыситься до поста помощника управляющего железной дороги, теперь была сорвана с него; он начал сомневаться в себе и почувствовал, что и другие могут в нем усомниться. И когда он наконец тащился по туннелю Нью-Йоркского вокзала, мучительно пытаясь по лицам носильщиков определить, так же ли он смешон в глазах нью-йоркцев, как был смешон в глазах своих соседей по вагону, ему подумалось, что, может быть, лучше вернуться в Вернон, а директорам пароходства послать телеграмму о том, что он заболел.

Значение этой своей поездки в Нью-Йорк он не преувеличивал. Директора компании «Южное Цитрусовое пароходство» действительно ждали его. Он был им нужен.

Интересно с точки зрения экономико-психологической, что в мире всегда имеется почти столько же крупных работодателей, мечтающих платить десятки тысяч долларов в год положительным молодым людям, сколько и положительных молодых людей, мечтающих получать хотя бы тысячу долларов в год. Президент «Южной Цитрусовой», патриарх Южно-Американских Вест-Индских пароходных линий, почтен-

ный господин с брюшком и носиком-пуговкой, уже полгода лежал в больнице после перитонита. С одра болезни он в общих чертах направлял деятельность компании. Поначалу все шло хорошо, старые служащие работали по-заведенному. Но теперь наступил критический момент. Компания должна была либо расшириться, либо погибнуть.

Пароходство «Зеленое Перо», обескровленное судебными тяжбами, выразило готовность продать все свои суда «Южной Цитрусовой», которая в этом случае могла бы удвоить свои обороты. Если же суда эти перекупила бы какая-нибудь другая компания, то при сильно возросшей конкуренции над «Южной Цитрусовой» нависала угроза краха.

«Южная Цитрусовая» располагала пятимесячным льготным сроком. К исходу этого времени здесь надеялись найти человека, который послужил бы связующим звеном между мозгом больного президента и телом правления, и считалось, что в лице Палмера Мак-Ги такой человек был найден.

Мак-Ги и не подозревал, как пристально за ним наблюдали. Он в глаза не видел никого из директоров или ответственных сотрудников правления «Южной Цитрусовой», и их переписка с ним велась в самых вежливых, но сдержанных тонах. Но в Верноне незадолго перед тем появились два крайне любознательных и крайне учтивых джентльмена, которые были на самом деле тайными агентами финансово-кредитного информационного бюро «Титаник». И этим двум господам стало известно о Мак-Ги решительно все, на-

чиная с того, сколько рюмок он выпивает в клубе за день, и кончая тем, как велик его банковский счет и с каким выражением на лице он выслушивает анекдоты основных перевозчиков по Малой Среднезападной железной дороге.

Боссы «Южной Цитрусовой» были убеждены, что нашли того, кто им нужен. Мак-Ги предполагалось направить на работу в Буэнос-Айрес, но только для испытания. И если окажется, что они в нем не обманулись, его через три месяца должны были вернуть в Нью-Йорк уже в должности вице-президента на жалованье, почти в четыре раза превосходящем то, что он получал в Верноне. В этой крайности они проявляли щедрость отчаяния.

Встреча с Мак-Ги должна была состояться у президента в больнице в 4:30; поезд прибыл в Нью-Йорк в три часа пятнадцать минут.

Мак-Ги поехал в гостиницу и сидел там, съезжившийся, перепуганный, разглядывая себя в зеркале на туалетном столе. Ему казалось, что с каждой минутой он все заметнее превращается в грубого, угловатого, неотесанного простофилю.

Он позвонил в больницу; его соединили с президентом:

– Э... это Мак-Ги говорит. Я сейчас приеду, – пролепетал он.

– Гм! Жидковат он как-то в разговоре. Не слышно особой уверенности в себе, – недовольно сообщил президент своему старому другу, председателю правления. – Подымите меня повыше на подушках, Билли. Его надо как следует про-

шутать. Здесь шутить не приходится.

Нота сомнения в голосе президента, как микроб, немедленно заразила председателя.

– Какая досада! Эти люди из «Титаника» утверждали, что он просто находка. Но, конечно... если...

К тому моменту, когда Палмер Мак-Ги предстал перед лицом президента, первого вице-президента и комитета в составе четырех директоров, трое из шести присутствующих уже перешли от нетерпеливого радушия к каменному недоверию. Он почувствовал это недоверие. Но про себя рассудил так:

«Они думают, что раз у меня такая стрижка, значит, я полный болван. Думают, что я всегда так стригусь. Но объяснить им я не могу. Я и виду не должен подать, что понимаю, в чем дело, – нельзя, чтобы они знали, как меня облапошил и оболванил пьяный цирюльник».

Он так поглощен был этими душераздирающими мыслями, что прослушал резко брошенный вопрос президента:

– Мак-Ги, каково ваше мнение о перспективах спроса на австралийскую пшеницу при нынешнем урожае в Аргентине?..

– Я... э... э... я не совсем вас понял, сэр, – жалобно отозвался Мак-Ги – несчастная жертва котенка и дрожащих планет.

Президент подумал: «Ну, уж если он такой вопиюще простой вопрос не уразумел... Может быть, все-таки первый ви-

це-президент справится? Да нет. Где ему: отстал от века...»

И, рассуждая так, он между тем без особого интереса повторил Мак-Ги свой вопрос и без особого внимания выслушал его исчерпывающий, но нетвердый ответ.

А Мак-Ги позабыл вернуть свои коронные соображения о будущем новозеландского зерна.

Два часа спустя президент и директора пришли к выводу, что Мак-Ги «не совсем подходящая фигура», а это должно было означать, что он фигура совсем не подходящая; и они уныло перешли к обсуждению прочих кандидатов. Прочие все никуда не годились.

Четыре месяца спустя они пришли к выводу, что лучше всего повременить, пока не выздоровеет президент. Им не удавалось найти никого, кто мог бы служить гибким передаточным звеном между президентом и правлением. И пришлось им отказаться от преимущественного права на приобретение пароходов компании «Зеленое Перо».

Соль же шутки в том, что эта легкомысленная стрижка была Палмеру Мак-Ги даже к лицу. Он всю жизнь стригся так, как его остриг когда-то давно, когда он был еще первокурсником в Йеле, один парикмахер с Чепел-стрит, оставивший ему респектабельную, но унылую шевелюру. Новая же, короткая стрижка обнажала его энергичные шейные мускулы. Никогда еще не выглядел он таким подтянутым и ладным. Десятки людей на пути от вернонской парикмахерской до нью-йоркской больницы обратили внимание на его нервоз-

ность, но никто не отнес ее за счет прически, просто гадали: ограбил ли он банк, или подделал чек на крупную сумму?

Мак-Ги вернулся в Верной уничтоженный, а к процессии жертв Уиллиса Стоудпорта, со Скримминс-стрит, присоединился генерал Кореос-и-Дульче, экс-президент Центрально-Американской республики Сан-Колоквин.

Этот генерал колонизовал остров Инес-Айленд, расположенный неподалеку от побережья Сан-Колоквина. Плантации кофе и сахарного тростника раскинул он там по мановению своей руки и жил без забот, экспроприируя десять тысяч беззаботно распевающих туземцев. Он считался веселым и добрым правителем. Когда, после некоторых недоразумений военного характера, он принял на себя бремя президентской власти в Сан-Колоквине, то даже не казнил никого – разве двух-трех родственников, просто из вежливости.

Его колонию на Инес-Айленд обслуживало пароходство «Зеленое Перо». Оборот грузов там был не настолько велик, чтобы официально назначить остановку, но у генерала Дульче была личная договоренность с управляющим «Зеленого Пера», а также с большим президентом «Южной Цитрусовой» – последняя должна была вступить в силу в том случае, если компания вступала во владение пароходами «Зеленого Пера».

Но когда «Южная Цитрусовая» отказалась от своих льготных прав, флотилию «Зеленого Пера» купила не другая трансатлантическая линия, а одна Сиэтлская фирма, кото-

рой нужны были пароходы для Канадско-Сибирских торговых перевозок. В результате генералу пришлось обратиться к услугам захудалой Сан-Колоквинской пароходной линии.

Владелец этой пароходной линии ненавидел генерала; он начал ненавидеть его, когда тот еще был президентом, и с тех пор ненависть его долгие годы неуклонно возрастала с каждым проглоченным им в задумчивости стаканчиком джина. Фрукты генерала портились в трюмах старых, скрипучих пароходиков; они никогда не поспевали в порт к отходу лайнера на Север. Его кофе намокало, его сахар не тянул объявленного веса. Когда генерал с горя купил собственное грузовое судно, оно загадочным образом сгорело.

Нищета и безнадежность воцарились на Инес-Айленде. Колонисты голодали. Когда на остров пришла эпидемия инфлюэнцы, ослабевшее население стало вымирать толпами. Некоторые сбежали на материк, разнося с собой заразу. Число смертных случаев, которых при нормальных условиях, при достаточном количестве пищи и медикаментов, можно было, вероятно, избежать, достигло, под подсчетам доктора, профессора сэра Генри Хенсона Стэрджиса, трех тысяч двухсот девяноста. Одним из последних скончался сам генерал.

Но перед тем, как он умер, колесо Фортуны успело повернуться и, миновав его, остановилось против одного европейского монарха. Генерал во всех своих колониальных и финансовых начинаниях был всего лишь подставным лицом,

действовавшим в интересах этого молодого монарха. Король чувствовал себя неуютно на своем троне. Он под ним поскрипывал, покачивался, сиденье грозило провалиться.

Приходилось без конца тратиться на то, чтобы его подпирать – щедро одаривать одного герцога, лицемерно возглавлявшего оппозиционную партию, одного иностранного эмиссара, нескольких церковных деятелей, газетных издателей, профессоров и даже одного подставного лидера левого крыла радикальной партии.

За пять лет до того, как Уиллис Стоудпорт погладил Адольфуса Джозефуса Черномордика, король обнаружил, что его личные королевские средства подходят к концу. Он пустился в спекуляции. Он призвал к себе из Центральной Америки генерала Кореоса-и-Дульче; и освоение острова Инес-Айленд совершалось на деньги из королевского кармана.

Вдаваться в хозяйственные детали король, естественно, не мог. Знай он о том, что колония лишилась услуг пароходства «Зеленое Перо», он, возможно, раздобыл бы средства для покупки всей флотилии, когда «Южная Цитрусовая» отказалась от своего льготного права. Но упрямый гордый генерал с его закрученными к небу усами и с его твердой уверенностью в том, что один кастилец стоит четырех андалузцев или восьмерых гринго, надеялся справиться без помощи своего августейшего господина.

Только на пороге смерти он послал наконец королю шиф-

рованную телеграмму о том, что на доходы с Инес-Айленда рассчитывать не приходится. И тогда король понял, что не сможет выполнить обещаний, данных кое-кому из пэров и министров; что красноречивейшие из его сторонников теперь примкнут к республиканскому движению; что позлащенный, но жидконогий трон в любую минуту может быть выбит из-под него ударом грубого рабочего башмака.

Вот как получилось, что в назначенный час отдаленнейшие звезды затрепетали под воздействием таинственной силы, исходившей от затерянной песчинки под названием Земля; той силы, которая для начала играючи передвинула все государственные границы и таможи на юге Европы. В этот час король в отчаянии призвал к себе последних двух министров и одного иностранного эmissара, которым еще доверял, и со своей исторической слабавольной улыбкой сказал: «Господа, это конец. Как мне поступить: бежать или... или?.. Вы помните, моего кузена не дали похоронить даже как простое частное лицо».

В этот час в нищей лачуге в негритянском квартале столицы Сан-Колоквина умирал генерал Кореос-и-Дульче, друг музыкантов и ученых мужей, умирал не от смертельной болезни, а просто от неудачи, от холодного страха, а также от того, что считал себя больным воспалением легких.

А за тысячу с лишним миль оттуда президент компании «Южное Цитрусовое пароходство» подписывал собственную отставку. Его старый друг, председатель правления, в

который раз умолял его: «Но ведь это означает гибель компании, Бен! Мы без вас не вытянем».

– Что делать, Билли, – вздохнул президент. – У меня больше нет сил. Вот если бы мы нашли человека, который мог бы воплотить мои замыслы, тогда я бы еще, быть может, выкарабкался и компания тоже. Одурачили нас с этим Мак-Ги. Не потратить мы на него столько времени, мы бы еще успели, может быть, подыскать нужного человека, который снял бы заботу с моих плеч, и тогда... Ну, да что там. Через три месяца меня не будет, старина. Сразимся-ка напоследок в бейсик. У меня предчувствие, что сегодня мне сильно повезет.

А полчаса спустя и за полконтинента оттуда Палмер Мак-Ги вышел из дома управляющего Малой Среднезападной железной дороги. Он шел как во сне. Управляющий ему сказал: «Не знаю, в чем дело, милейший, но от вас уже давно нет ровно никакого проку. И пьете вы чересчур. Уезжайте-ка куда-нибудь подальше и возьмите себя в руки».

Мак-Ги дотащился до ближайшего телеграфа и сообщил компании «Буффало и Бангор», что принимает предложенную ему должность в отделении закупок. Жалованье там было не меньше, чем он получал в Верноне, но перспектив никаких. После этого он пошел и выпил коктейль – четвертый за вечер.

Нельзя с достоверностью сказать, в тот ли самый вечер или же еще накануне, цирюльник по фамилии Дискополос впервые ударил жену, и она по этому поводу заметила: «Пре-

красно. В таком случае я от тебя уйду». Соседи говорят, что, хотя побил он ее в этот день впервые, отношения у них испортились уже давно. Утверждают, что неприятности у них начались с того вечера, когда мистер Дискополос пообещал прийти домой к ужину, я сам явился только в половине второго ночи. Оказывается, это был день рождения его жены, о котором он совершенно забыл, а она, бедняга, приготовила целый пир.

Зато достоверно известно, что в тот же самый час в доме Стоудпортов на Скримминс-стрит царил покой и шуршали вечерние газеты.

Уиллис мимоходом дернул за хвост Адольфуса Джозефуса Черномордика, теперь уже почти взрослого кота, и миссис Стоудпорт жалобно воскликнула:

– Уилли, не трогай, пожалуйста, кошку! Она тебя поцарапает, и ты наберешься от нее блох и всякой мерзости. Подумать страшно, каких только последствий не может быть, если возиться с животными...

Мистер Стоудпорт, зевнув, вмешался:

– Да оставь ты, ей-богу, ребенка в покое. Можно подумать, что действительно произойдет что-то ужасное, оттого что он погладит котенка. Уж не боишься ли ты, что он подхватит этих... как их?... микробов и кого-нибудь потом заразит и по его милости заболеют еще несколько человек? Ха-ха-ха! Или еще, чего доброго, окажется, что из-за него где-то ограбили банк? Ха-ха-ха! Ты уж лучше не давай, мамочка,

воли своему воображению... о-о-хо-хо!

Мистер Стоудпорт, зевая, выставил из гостиной кота, зевая, завел на камине часы и, зевая, отправился наверх спать, посмеиваясь своей мысли о мистическом влиянии, которое их Уиллис мог бы оказывать на судьбы людей, живущих от него за пять-шесть кварталов.

А в это самое мгновение в средневековом замке в пяти тысячах миль от Уиллиса Стоудпорта король древнего народа сказал со вздохом его сиятельству достопочтенному графу Арденскому, кавалеру ордена Бани высшей степени и неофициальному представителю интересов британской короны:

– Да, это сумерки богов. Горжусь, однако, тем, что даже в моем падении мне отчетливо виден таинственный перст судьбы. Я твердо знаю, что мои несчастья всего лишь звено в величественной цепи событий, начиная с...

– ...с гибели тысяч людей и с потери миллионов фунтов в Сан-Колоквине, – задумчиво подхватил лорд Арден.

– Нет, нет! Не с этих земных мелочей. Уже много лет я занимаюсь астрологией. И мы с моим звездочетом определили, что несчастья мои и моего бедного народа суть лишь последний акт космической трагедии, которая началась с эзотерических изменений в магнетизме Азимеха, холодной девственной звезды. Что ж, во всяком случае, утешительно сознавать, что твои страдания порождены не какими-то пошлыми причинами, что такова была воля задумчивых светил, повисших над черными безднами вечной ночи, и что...

– А-а-а! Ну, да. Конечно, конечно, – сказал граф Арденский.